

ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ У НПО И СПО В РОССИИ?

Дискуссии по проекту Закона «Об образовании в РФ» перенеслись на площадки Государственной Думы. 12 октября 2012 года в Москве состоялся Круглый стол по проблеме «Есть ли перспективы у начального и среднего профессионального образования в России?». Он проведен АНО «Совет по вопросам управления и развития» в партнерстве с НИИ инновационных стратегий развития общего образования Департамента образования Москвы, Академией профессионального образования. Информационное обеспечение Круглого стола — журнал «Профессиональное образование. Столица».

Открыла заседание О.А. БЕССОЛОВА, исполнительный директор АНО «Совет по вопросам управления и развития»:

— Председателем нашего Наблюдательного Совета с 2003 года является Л.И. Швецова, в прошлом первый заместитель мэра в Правительстве Москвы, а ныне вице-спикер Государственной думы.

Тема начального и среднего профессионального образования в нашей стране одна из самых важных. Я много езжу по городам, где расположены предприятия металлургической отрасли. И вижу, какая функция есть, в частности, у начального профессионального образования. И когда я думаю о той реформе, которая происходит с НПО, честно вам скажу, в первую очередь я думаю даже не об образовательном уровне тех ребят, которые там учатся. Это, конечно, важная составляющая. Но хочу сказать еще и о социальной функции. Даже не представляю, что произойдет с теми тысячами ребят, которые не будут способны прийти в начальное профессиональное образование, где они чувствуют себя комфортно, и за эти два года они получают не только трудовой навык, они получают возможность, в некотором смысле, дозреть до взрослого состояния. Чаще всего, эти ребята талантливы, но в силу каких-то обстоятельств их таланты не раскрылись в школе. И, может быть, никогда уже не раскроются, если не будет вот такого этапа НПО.

Хочу представить двух моих коллег, которые являются организаторами этого круглого стола: С.И. Швецова, заместитель руководителя АНО «Совет по вопросам управления и развития» и Е.В. Коч-

кина, председатель экспертного совета нашей организации, она непосредственно работает с экспертами по разработке всех законопроектов.

Н.В. ГРОМЫКО, д-р филос. наук, заместитель директора НИИ ИСРОО:

— Я представляю НИИ стратегий развития общего образования. Хотела бы подчеркнуть, что этот круглый стол не мог бы состояться без мощного организационного участия Академии профессионального образования, возглавляемой Е.В. Ткаченко.

Сегодня в пространстве общественных дискуссий наиболее обсуждаемыми вопросами являются следующие:

1. К чему приведет отказ от существующего сегодня уровня НПО?

2. Экономика России не формирует заказ на подготовку кадров, как изменить это, в том числе поправками в законопроект?

3. Является ли позитивным факт передачи сети НПО/СПО в региональное подчинение и позволяет ли это решить проблему разбалансированности рынка труда?

4. С 2000 года по 2010 год численность выпускников учреждений НПО сократилась на 24%, СПО — на 16%. Как можно обеспечить решение Президента о подготовке 25 млн новых высокотехнологичных рабочих мест?

Для ответа на эти вопросы мы пригласили ведущих экспертов в области образования, представителей промышленности, бизнеса, финансовых кругов. Будет вестись видеотрансляция для регионов, связь с кото-

рыми установлена. От имени тех, кто по техническим причинам не сможет принять участие в видеосвязи, мы озвучим тезисы, они к нам поступили.

Предоставляю слово для доклада Е. В. ТКАЧЕНКО, доктору химических наук, академику РАО, члену Президиума РАО, президенту Академии профессионального образования, лауреату премии президента РФ в области образования.

Е. В. ТКАЧЕНКО:

— Я буду говорить от имени Академии профессионального образования. Прежде всего, хотел бы выразить благодарность за то, что впервые за многие годы на площадке Государственной Думы специально поставлен вопрос о начальном и среднем профессиональном образовании. Однако сама постановка вопроса — есть ли перспективы у НПО и СПО? — для меня неприемлема. Она для меня звучит так же спорно, как и вопрос, есть ли будущее у молодежи России, и есть ли будущее у России вообще? Без рабочих кадров, причем, широкого спектра квалификаций, у России нет будущего.

Сразу же извинюсь, что приходится говорить об известных вещах. Но это необходимо, потому что в Государственной Думе новый состав, и большинство этого состава не знает нашей системы. А нам нужно выработать консолидированное мнение, которое мы и должны передать новому составу Думы. Не мы принимаем решение, поэтому принципиально важно говорить о тех вещах, о которых мы говорим уже в течение ряда лет, но не услышаны были в должной мере.

Многие так и не поняли, что упразднение уровня и системы НПО будет не просто «сменой вывески», а «катастрофой» для страны. Проект уже внесен в Думу и мы обращаемся к депутатам: хватит слушать комментарии министерства, пора читать текст закона.

Читаем статью 70 (п. 1): «Профессиональное образование включает в себя следующие уровни образования: среднее профессиональное образование и высшее образование — бакалавриат, специалитет, магистратуру, подготовку кадров высшей квалификации». Вытекающий из этого и оставшийся без ответа вопрос: «Где здесь «квалифицированные рабочие», которых министерство предлагает «поднять до уровня СПО»? Хуже того, здесь нет и «специалиста среднего звена», что закладывает в будущем правовые основания для упразднения и уровня СПО.

Учебные программы НПО и СПО резко отличаются объемом практического обучения. В «Рекомендациях Минобрнауки РФ по разработке базисных учебных планов...» его доля составляет до 85% в НПО и до 50% — в СПО (фактически разница еще больше). Уже, исходя из этого, объединить программы НПО и СПО невозможно, они могут быть только преемственны. Кстати, закон их и не объединяет, он просто опускает уровень НПО до примитивно-профессиональной подготовки.

Читаем статью 75 п. 4: «продолжительность профессионального обучения определяется конкретной программой, разрабатываемой и утверждаемой на основе установленных квалификационных требований (профессиональных стандартов) организацией, осуществляющей образовательную деятельность...».

Еще более откровенна недавно принятая Государственная Программа образования-2020, которая провозглашает «постепенный перевод программ НПО на короткие образовательные программы прикладных квалификаций» (с. 26). То есть НПО заменят, его больше не будет. Из этого прямо следует, что для «короткого профессионального обучения» государственные образовательные стандарты не будут разрабатываться. А теперь вспомним, что говорил министр Д. Ливанов, представляя проект в Думе: «...бесплатность образования гарантируется любому гражданину в рамках федеральных государственных образовательных стандартов». Но если не будет ГО-Сов, не будет и бюджетного финансирования. Надо ли объяснять, что работодатель не станет тратить на базовую подготовку. Он просто объяснит пришедшему на производство выпускнику школы принцип: «Бери больше, кидай дальше». Это и будет все обучение.

Почему законопроект ведет начальное профессиональное образование в никуда, если существует реальный опыт уже не только Москвы, где почти 10 лет в колледжах последовательно осваивают два уровня: НПО и СПО?

Каковы катастрофические последствия упразднения уровня НПО:

1. Разрушается система непрерывного профессионального образования России, а это достижение многих поколений профессионалов. После так называемого краткосрочного профессионального обучения молодой человек попадает в профессиональный тупик: ни квалификации, ни полного среднего образования. Это и будет катастрофой для миллионов молодых людей.

Без рабочих кадров, причем, широкого спектра квалификаций, у России нет будущего.

2. Упраздняется уровень НПО. Таким образом, упраздняется и право на существование тысяч учреждений НПО в поселках, в сельской местности, где эти учреждения чаще всего единственные. Начальное профобразование дает возможность любому получать первую профессию и войти в мир труда. Это, кстати, и социальный лифт для сельской молодежи, для незащищенной молодежи, неблагополучной молодежи, для молодежи группы риска и для молодежи с ограниченными возможностями здоровья. Это упразднение уровня НПО затронет широкий спектр нашего общества.

3. Упразднение НПО — это демонтаж государственной системы подготовки квалифицированных рабочих кадров. А если говорить о таких отраслях как оборонная промышленность и космическая промышленность, это может привести к тяжелейшим последствиям. Обратите внимание, аппараты уже в космосе стали падать. Часто нам говорят: то смазка была не та, то ветошь оставлена, то контрафактная продукция использовалась. Это говорит о том, что не инженеров не хватает, а высококвалифицированных рабочих. Доля рабочих высоких квалификаций катастрофически упала, до 5%, в то время, как в развитых странах она в 10 раз больше. Соотношение подго-

товки специалистов начального, среднего и высшего образования в стране примерно 1:1:1, в то время, как рабочих нужно в разы больше.

4. В законопроекте вводится ускоренная подготовка, что приведет к формированию в стране широкой прослойки низкоквалифицированной и малообразованной молодежи, ибо это обучение, а не образование. От этого отказались даже развивающиеся страны, а мы даем в новом законе.

Законопроект разрушает логику стратегических решений.

5. Стране нужно 25 млн рабочих, как сказал наш Президент, до 2020 года. Из них 10 млн рабочей аристократии. А где их готовить, если система НПО будет уничтожена? Все отдано в регионы и даже в муниципалитеты. Учреждения НПО в большинстве регионов будет упраздняться на основе нового закона, в котором отсутствует уровень НПО.

6. Законопроект полностью разрушает логику стратегических решений, принятых в минувшие годы. Он формирует недоверие к государственной образовательной политике. Например, почему предусмотренное концепцией модернизации российского образования на период до 2010 года, опережающее развитие начального и среднего профессионального образования, завершается теперь упразднением НПО?

7. Снимается социальная защита молодежи из неполных, неполноценных, малообеспеченных семей, а также мигрантов, а у нас таких до 80% в системе НПО. Закрытие учреждений НПО ведет к системному формированию социального сиротства в стране, но уже с участием государства.

8. Такой подход уничтожает достоинство системы НПО, которая десятилетиями решала многие вопросы не только профессионального обучения малообеспеченной и неблагополучной молодежи, но и ее воспитания и социальной защиты. Из этой молодежи выросли Туполев, Курчатова, Королев, Гагарин, Маресьев, Черномырдин и другие.

9. Приведу четыре цифры: в 1995 году, когда мы проводили съезд работников интернатов и детских домов, на 21,5 млн школьников приходилось 450 тысяч социальных сирот. В 2010 году на 13 млн школьников число сирот удвоилось, от 700 тысяч и больше! Даже в тяжелые 90-е годы мы не сокращали учреждения НПО, когда баррель нефти стоил \$10. И еще добавлю. В 1995 году у нас было 19 спец. училищ для молодежи, которая совершала правонарушения. Сегодня в федеральной системе исполнения наказаний 339 училищ. Кстати, куда их девать? Там ведь техникумы не создашь.

10. Обсуждаемый законопроект меняется во времени. Первая версия была выставлена еще в мае-июне 2010 года, а в августе она уже обсуждалась на Госсовете. С тех пор уже шестая версия официально обсуждается. Изменения есть, но ключевых изменений, которые предлагает профессиональное сообщество, не принято. А за это выступает Российский союз ректоров, Российская академия образования,

Торгово-промышленная палата, Российское агентство инновационного развития, работодатели, многие выдающиеся ученые и общественные деятели, десятки тысяч специалистов, от Садовниченко до Калашникова, которые принимали участие в обсуждении. Но мы не услышаны! Мне странно, что не учтена даже позиция премьер-министра Дмитрия Медведева, который 25 июля этого года на заседании Открытого правительства и 26 июля на Президиуме правительства жестко поддержал уровень НПО. В №9 журнала «Профессиональное образование. Столица» мы даем выборку о том, что и как говорилось. Через неделю после этого, проект внесен в Государственную Думу без учета, в том числе, и мнения лидера партии «Единая Россия».

Теперь о предложениях. Возможно, некоторые из них трудно осуществимы. Но учитывая такой состав участников, мне хотелось бы их назвать.

1. Необходимо внести поправку в статью 43 Конституции России. Цель поправки: считать бесплатным не только 9-летнее, но и полное общее 11-летнее образование, и начальное профессиональное образование, то есть, 10-11 классы и НПО. По Конституции (статья 43) они платные. Это де-юре, де-факто они бесплатны по Указу Б.Н. Ельцина и последующем Законе «Об образовании». Если уж защищать, то давайте начнем защиту с Конституции.

Не учтена даже позиция премьер-министра Дмитрия Медведева, лидера партии «Единая Россия».

2. Моя субъективная точка зрения: было бы справедливо вообще отказаться от обсуждаемого проекта закона, ибо в нем смешаны несовместимые конституционно-государственная и рыночная концепции. Кстати, это мнение и В. Садовниченко, и других выдающихся ученых. В нем объединены уровни образования от детского сада до послевузовского. Это делает его громоздким, трудноосуществимым для такой многонациональной, поликонфессиональной, поликультурной, полисоциальной страны как Россия. Целесообразно было бы перейти на создание системы уровневых и отраслевых законов. Сошлюсь на один пример. Маленькая Финляндия, да и ряд других европейских стран, имеют уровневые законы. Легко написаны, легко осуществляются, легко контролируются и приносят результат. Финляндия за последние пять лет по международным рейтингам в числе ведущих стран мира по качеству образования, а в прошлом году вообще на первом месте.

А теперь о более конкретных предложениях, которые возможны к реализации.

1. Необходимо защитить в законе именно систему непрерывного профессионального образования. Она должна включать уровни начального и среднего профессионального образования, и трехуровневое высшее: бакалавриат, специалитет и магистратуру.

2. С учетом необходимости подготовки 25 млн рабочих, в том числе, 10 млн рабочей аристократии, следует принять отдельный закон, направленный на обеспечение подготовки рабочих кадров в России на ближайшие десятилетия.

3. Необходимо вернуть на федеральный уровень учреждения НПО, обеспечивающие оборонную, атомную, космическую и авиапромышленность. Ибо это вопросы государственной и национальной безопасности. Их нельзя передавать ни бизнесу, ни регионам.

4. Обучение рабочих кадров по краткосрочным программам, которое предлагается в новом законе, проводить можно, но параллельно с системой НПО, а не вместо нее. Дело в том, что для взрослого населения — это хорошая перспектива, а для молодежи это тупик.

5. Нужно провести коррекцию статей законопроекта, ведущих к углублению социальной дифференциации, люмпенизации страны, к формированию низшего класса малообразованных тружеников. Статей, которые подрывают процессы роста среднего класса и перспективы демократизации страны.

6. Считаю недопустимым механический перенос западных матриц образования на российские условия. Например, Болонский процесс для инженерного образования или снятие социальной функции НПО как, якобы, мешающей самому профессиональному образованию.

7. Качественная модернизация страны будет возможна только при ее кадровом, материально-техническом и ресурсном обеспечении в условиях реальной защиты научных и научно-педагогических кадров. В стране сегодня идут обратные процессы. У нас наплыв низкоквалифицированных мигрантов и массовый выезд за рубеж подготовленных за счет государства специалистов с высшим образованием. Кстати, первые указы Президента РФ от 7 мая 2012 г. тоже противоречивы. В одном указе НПО даже нет. Учреждения переведены в различные центры многопрофильных прикладных квалификаций. В другом же указе сказано, что учреждения начального профессионального образования и мастера производственного обучения, и преподаватели НПО должны будут получать заработную плату среднюю по региону к 2018-му году. В то время, как учителям это обещано уже в этом году в декабре. Вот вам и пример поддержки развития системы начального и среднего профессионального образования.

8. Недопустима значительная дифференциация в оплате труда руководства и преподавателей учреждений образования. Разница в десятки раз! Низкий уровень зарплаты в образовании по сравнению со средним по экономике. Это тоже неправильная тенденция.

9. И еще одно, важное, с моей точки зрения, предложение. Нужно защитить модель московского колледжа, именно как модель. В ней интегрирован уровень НПО в рамках среднего профессионального образования. Там все на месте. Почти 10 лет работает эта модель. И там достаточно высокий, а иногда очень высокий уровень подготовки рабочих кадров. Подготовка рабочих и специалистов в Москве составляет 24-28 тысяч в год и примерно такое же количество представителей работодателей обучается на базе этих колледжей. Готовят для самых ведущих отраслей, для авиапромышленности, например, корпорации Сухого. В Москве порядка 30% таких колледжей. И не только в Москве. Модель московского колледжа, по-разному названная, работает в Татарстане (кластеры), в Кузбассе (техникумы), в Ижевске (ресурсные центры). Они по-разному названы,

но везде сохранен и защищен уровень НПО со всеми последствиями этого. Но почему люди вынуждены работать не благодаря закону, а вопреки закону, и всячески обходить его? Блестящий пример тому ректор МГУ В. Садовничий, но даже он вынужден обходить закон. Он добился для московского университета бакалавриата в рамках пяти лет обучения. Ибо понимает, что за четыре года по ряду направлений невозможно дать специалитет. Вот почему у нас, наконец, специалитет возвращен в высшее образование.

Намечается опасная тенденция формирования стративного общества.

Есть ли будущее у НПО и СПО? В рамках такого закона, который делит молодежь на элитную и низкого уровня, будет больше проблем, чем решений. То есть, перспективы защиты будущего у молодежи России будут все более проблематичными. И все-таки они будут, история наша это неоднократно доказывала. Надо только честно говорить о достоинствах этой системы. Недостатки у нее тоже есть, и низкое качество тоже есть, но где его нет? У нас есть масса данных и зарубежных экспертов, и наших собственных, и минэкономики, о том, что недостатков в среднем и в высшем образовании не меньше. Другое дело, что начальное профобразование не может само себя защитить. Его должны защитить мы.

Ю.В. ГРОМЫКО, директор НИИ ИСРОО, д-р психол. наук, профессор:

— После блестящего выступления Евгения Викторовича, которое, с моей точки зрения, позволяет расставить целый ряд важнейших акцентов в отношении к этому закону, я бы сказал от себя несколько слов. Мне в какой-то мере казалось, что те, кто боится за судьбу российского образования, эту битву проиграли. Но постановка предельно заземленных практических вопросов, которые связаны именно с начальным профобразованием, позволяют заново выявить суть закона, поставить целый ряд важнейших вопросов, которые, с моей точки зрения, нельзя будет обойти. Потому что в целом то, что намечается в законе по отношению к начальному профобразованию,

позволяет заново уточнить, что вообще делается по отношению к образованию в целом.

Эта обеспокоенность, в том числе, и Правительства, что у нас невероятно разрослось количество вузов, их надо сократить, навести порядок с дипломами, на самом деле можно понимать и по-другому. На мой взгляд, у нас намечается очень опасная тенденция вокруг Закона «Об образовании» — формирования стративного общества, связанного с образованием. Потому что эту тенденцию укрупнения вузов можно понять и следующим образом: у нас формируется группа привилегированных вузов, которые обеспечивают возможность отъехать за рубеж и окончить, например, Гарвард. Следующий уровень тоже стративного образования, а ниже остальная часть населения. Относительно этой остальной части населения: если происходит разрушение непрерывного профессионального образования, в том числе, начального профобразования, то мы на пороге очень опасных, изменений, формирования именно стративных сфер в обществе, и того, о чем сказал Евгений Викторович, люмпенизации. А это опаснейшая тенденция. При этом совершенно понятно, почему у огромнейшей массы населения тенденция всеми силами толкнуть своих детей получить какой-никакой диплом. Потому что в условиях огромной социальной неопределенности и неясности, какое общество мы строим, каковы принципы социальной политики, возникает очень ясный момент каким-то образом получить символический капитал в виде диплома и им хоть как-то гарантировать свою защищенность и принадлежность к каким-то выделенным системам. Хотя это нас не избавляет от образовательного диплома. Просто напоминаю, что недавно господин Окулов сказал, что они проббили закон, согласно которому пилоты у нас будут работать иностранные, что до этого было запрещено. Может произойти следующее: дипломы у всех будут разные.

*Началось движение
к образовательному дефолту.*

Я говорил с очень многими людьми, которые работают в корпорациях по подготовке кадров. И они говорят о том, что диплом-то есть, но способен ли человек в наших условиях работать? Это огромный вопрос. То есть, вообще началось движение к образовательному дефолту, который имеет следующую форму: дипломов о высшем образовании полно, но есть ли возможность на самом деле реализовывать профессиональные функции на соответствующем уровне квалификации, здесь возникает огромный вопрос. И это полностью связано именно с системой начального профобразования. Мне кажется важным еще раз повторить, почему именно учреждения НПО образуют в нашей стране неуничтожимый и обязательный тип образования, который не может быть отменен. На мой взгляд, по трем важнейшим стратегическим социальным причинам:

1. Поскольку этот тип образования задает для определенных групп населения, нуждающихся, малообеспеченных, быстрый доступ к возможному заработку, оплачиваемой работе без поражения в правах и закабаления, поскольку именно за счет непрерывного

профобразования начальное образование — это вектор возможного движения, в том числе, и по ступенкам социальной мобильности.

2. Поскольку этот тип образования обеспечивает воспроизводство квалифицированных рабочих профессий, что очень важно, с определенной профессиональной этикой. Вроде бы, мы строим капитализм, база всего — знаменитые работы Вебера про протестантскую этику. Но, на мой взгляд, основное разрушение, которое происходило за все эти годы, это как раз этика профессий. И вообще этическая форма, которую нужно всячески формировать. Это прямо по Ушинскому, что в образовании обучение и воспитание неразрывны. И в этом смысле профессиональное образование, освоение рабочей этики — это один из важнейших моментов. Например, это умение работать в команде. При огромной индивидуализации с этим сталкивается огромное количество менеджеров в корпорациях. Приходят люди, каждый сам себя капитализирует, и сложить команду — невероятный труд.

3. Поскольку начальное профобразование задает совершенно особый канал вхождения в профессию, не через абстрактное теоретическое знание, а через умелое личное действие, выращиваемое на протяжении всей жизни. Вспомним, что древнегреческое слово «техно» означает одновременно искусство и технику. И с этой точки зрения квалифицированный профессиональный умелец — рабочий. Не случайно у нас сейчас в обществе появилось много разговоров, что русские не способны производить машины, вообще к умному ручному труду. На мой взгляд, это специальная целенаправленная политика разрушения, в том числе, представления о том, как формируют мастерового человека, что в России было известно всегда.

Теперь третий момент, важнейший, который лично для меня делает данный закон неисправимым. Это размытые представления, говорим ли мы об образовательной услуге или об общественном благе. Если образование является общественным благом, у которого должна быть конституционная защищенность, это совершенно особый строй законов. И совершенно понятно, какой тип общественного блага формируется в начальном профобразовании. Это не ускоренные скоростные центры специализированной выучки и дрессуры, а введение в мир определенной профессии, где общественное благо — это фактически про-

фессиональная начальная социализация. Человека вводят в мир профессии. И на этом, как считают все американские теоретики образования, формировался американский университет. Я напому блистательную книгу Рэндалла Коллинза, идея которого основана на том, что человека впускают в профессиональное сообщество, и теперь профессиональное сообщество ему начинает доверять. И это выражается во внутреннем договоре. Здесь точно так же.

Человек, который получает начальное профобразование, фактически обеспечивается профессиональной социализацией, вводится в определенный мир профессий. Тут начинается следующий, на мой взгляд, очень сложный вопрос, поскольку это общественное благо должно гарантировать и создавать государство, а не абстрактный самоорганизующийся рынок, утверждая, что определенные группы и миры профессий будут востребованы, что они образуют стратегические типы занятости, которые во всех условиях должны поддерживаться государством. Иначе беда. Поскольку у нас в стране должно существовать инженерное дело, строительное дело, пищевое, медицинское, военное дело, энергетика, транспорт. Эти стратегические типы занятости должны быть определены, зафиксированы, должно быть сказано, что из себя будет представлять набор и сетка профессий, то, чем раньше занималось министерство труда. В Америке, кстати, этим занимаются очень уважаемые люди, которые специально определяют, что происходит на рынке труда, это все отслеживают. У нас же все это сдвигается на абстрактный рынок, то есть, с кем договорится выпускник, тем он и востребован. На мой взгляд, это абсолютно неверно понимаемая позиция с точки зрения рыночной экономики.

Отдельный вопрос — это территориальное размещение, перепрофилирование производств в монопрофильных городах. Если мы начинаем обсуждать стратегические типы занятости, мы начинаем затрагивать и вопросы территориального размещения. Поэтому проблема заказа не может быть сброшена только на учебные заведения, а трудоустройство только на выпускников.

*Не ускоренные центры
специализированной дрессуры, а введение
в мир определенной профессии.*

Есть еще очень важный вопрос, членение квалификационных уровней в индустриальных системах определяется институциональным устройством этих систем, что складывается эволюционно и исторически, и не может никогда задаваться абстрактными идеями финансовой оптимизации и срезания затрат. Напомню, что в свое время некоторое сглаживание, только наметившееся, скажем, между техником и инженером, техником-путейцем и инженером-путейцем, техником-металлургом и инженером-металлургом, нанесло невероятный вред качеству промышленного труда. И потом пришлось все это восстанавливать. Такое же различие существует между квалифицированным рабочим и техником. Это особого типа членение, грубо говоря, анатомия и физиология индустриальных

систем. Если она сминается и уничтожается, то либо происходит потеря труда и его осмысленности, либо нам нужно будет ввозить квалифицированных рабочих из Азии, из Турции, не знаю, может быть, в связи с безработицей в Испании, из Испании. Поэтому, на мой взгляд, очень опасная тенденция, о которой говорил Евгений Викторович, я бы ее даже специально обозначил. Этот закон нас продвигает к тому, чтобы осуществить разрабочивание в стране. То есть, фактически, если его реализовывать в том виде, в котором он есть, то произойдет исчезновение и разрушение целой огромной страты, которая складывалась больше сотни лет. Это нанесет огромный эволюционный вред. За люмпенизацией стоит просто разрабочивание. Я понимаю, что игроки, которые есть вокруг этого закона, намекают на креативный класс Ричарда Флориды, слово заимствованное, неясное. С моей точки зрения, чтобы осуществлять модернизацию в России, надо складывать класс развития. И квалифицированный рабочий, умелец — это важнейший компонент, элемент этого класса перевооружения и развития страны.

*Проблема заказа не может быть
сброшена только на учебные заведения, а
трудоустройство только на выпускников.*

Без начального профессионального образования, без умного рабочего, план создания 25 млн рабочих мест — это очередная клюква, которую просто «Деловая Россия» проговорила, Президент поддержал, но реализовываться она не будет. Потому что, если это переводить в план реализации, это совершенно особая форма работы, это планы, деньги, инструменты, средства и так далее. С этой точки зрения мне представляется, что закон, при всей его, казалось бы, многоуровневости, составлен как узковедомственный. В нем не обсуждается вопрос, что должно происходить на рынках труда, где то, что происходит на рынках труда — это не чисто прогнозные формы, где нужно кого-то интервьюировать, а фактически — это проектная форма, где на этих рынках нужно будет присутствовать и создавать стратегические типы занятости.

Закон находится вне того общественного стратегического маневра, который намечался и бывшим Президентом, и сегодняшним, и который связан с инновациями, модернизацией и индустриализацией. Почему? Потому что мы этой темой специально занимались и можем совершенно четко сказать, что если Россия хочет присутствовать на рынках технологий, то основное слабое звено, которое за последние 20 лет было разрушено, это прикладные НИИ и проектные институты. То есть, у нас до сих пор есть заделы в научных институтах, это новые лазеры, это новые системы управления, но перевести все это в технологии невозможно или трудно, поскольку отсутствует это звено, оно разрушено. Отсюда возникает определенное лукавство, а именно: а давайте мы сделаем следующее, а давайте мы создадим Research Development Santos западных корпораций в вузах и реализуем сразу две вещи, уничтожим академию наук, она не нужна, технологии все идут, молодежь будет отсасывать туда и там учить в научных центрах. Но при этом

что отсутствует? Отсутствует очень интересный компонент, сетевые высоко оснащенные предприятия, малые и средние предприятия, которые составляют славу Германии, Италии и Франции. Это именно то, что необходимо нам, если мы хотим осуществлять технологически состоятельную модернизацию, нам необходимы такие небольшие предприятия, где работает рабочая аристократия, умельцы. А поскольку этому нужно учиться всю жизнь, потому что человек мыслит руками, но на сверхоснащенной, сверхумной технике. И, исходя именно из этой перспективы, нужно переоснащать учреждения НПО, поскольку именно они задают перспективу. Это определение того, какой тип рабочего труда будет востребован.

Кстати, тут есть еще отдельный миф, который над нами витал, а сейчас потихоньку рассеивается, это миф о том, что мы должны будем перейти семимильными шагами в постиндустриальное общество, где основные деньги формируются за счет знания. Есть огромное количество людей в Америке, в Японии, в Германии, которых я знаю лично, например, блестящий главный редактор журнала Forbes Имон Фингльтон, который показал, что эта идея привела к очень опасным тенденциям, в том числе, к разрушениям индустриального труда в Америке, потому что основная стоимость накапливается именно в умелом высококвалифицированном труде, то есть, умении создать сканер-степпер, новый лазер, сделать фаундри-чип, и этот труд ничем не заменишь. В этом смысле, это иллюзия, что можно придумать абстрактные знания, суметь создать вещь и продать ее. Именно здесь я вижу огромные функции, огромную необходимость сохранения и развития НПО как важнейшего элемента системы непрерывного профессионального образования.

Закон нас продвигает к тому, чтобы осуществить разработку в стране.

Но есть еще и третий момент, некое лукавство, на которое я обратил внимание. Говорится приблизительно следующее: у нас есть огромные сферы не-квалифицированного монотонного труда, куда нужно часть молодежи просто загнать. То есть, фактически вытеснить ее туда, показать, что либо мигранты, либо вы. С моей точки зрения, это опять вопрос о том, какое

общество мы строим. Строим ли мы общество взаимопомощи и солидарности, или мы фактически начинаем потихоньку переползать к антисоциальной функции государства. Потому что вопрос об уважении человека и высококвалифицированного труда это, в том числе, важнейшая проблема того, какое общество мы сформируем. То есть, есть ли у человека возможность самому выбрать, по какой траектории он идет, или мы начинаем под шумок осуществлять такую функцию принуждения. Это очень острый вопрос. Выводы:

1. В сегодняшних формулировках закон звучит как социально опасный. Он фактически нацелен на то, чтобы ликвидировать воспроизводство целой огромной социальной страты квалифицированных рабочих. Что очень важно для детей из малообеспеченных семей, инвалидов, но, в том числе, и для целой группы людей, которые движутся через то, чтобы начать «мыслить руками». И здесь совершенно особые законы профессионального формирования.

2. Закон узковедомственный, не комплексный. Он не позволяет выявить меж отраслевые, меж секторальные связи, в которых реально живет образование, в которых оно существует.

В сегодняшних формулировках закон звучит как социально опасный.

3. Закон не учитывает проблематику технологически состоятельной модернизации и инновационной индустриализации, в результате которой должны появиться целые новые группы индустрии производства. Без начального профессионального образования это невозможно.

Евгений Викторович говорил, что, возможно, нужны уровневые законы. Я больше придерживаюсь той точки зрения, что нужен образовательный кодекс. Затолкать все в один закон просто невозможно. Есть целый ряд вопросов, в том числе, регулирование рынков труда и образования как блага, это специальные кодексные разделы, где дальше все нужно всерьез прописывать.

Е.И. МЕДВЕДЕВА, канд. эконом. наук, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного института (сообщение совместно с С.В. Крошилиным):

— Хочу отразить результаты исследования, которое мы провели, изучая мнение целевых групп, а именно: работодателей Юго-востока Подмосковья, представителей ППС вуза, который находится в городе Коломна, студентов вуза, которые обучаются по специальности «Маркетинг», директоров и завучей общеобразовательных школ и гимназий, а также учеников, которые после 9-го класса собираются пойти учиться либо в учреждения НПО, либо в СПО, и выпускников, которые уже окончили учреждения данной системы, автомеханики. И для сравнения мы опросили выпускников ВПО по специальности «Маркетинг», то есть, посмотрели, что же на выходе.

Сразу хочется сказать, что все респонденты, все участники опроса однозначно высказались в поддержку НПО, данный уровень системы образования просто необходим.

Сильной стороной системы НПО на сегодняшний день является возможность поступления детей с любым уровнем подготовки. На самом деле, нам необходимо их охватить, и об этом уже говорилось, это малообеспеченные семьи, дети, которые успевают не на отлично, но они хотят учиться и иметь профессиональную подготовку. Поэтому респонденты отметили это как самую сильную сторону. Вторая сильная сторона — доступность обучения. Востребованность рабочих специальностей на рынке труда. Совмещение теории и практики, то есть, ребята получают не только теоретические знания, они выходят на реальное производство, они могут поработать руками, накапливая производственный потенциал и опыт, трудовой потенциал индивида и человека. Гарантированные стипендии, что тоже на сегодняшний день не лишнее, и в НПО на сегодняшний момент имеет место быть.

Самой большой угрозой они видят изменение законодательства. Все осознают, что если из системы образования выпадет данный уровень, определенная часть населения у нас выпадет из профподготовки. Как продолжение слабых сторон: закрытие, не востребованность НПО со стороны абитуриентов, то есть, низкая престижность в глазах выпускников общеобразовательных заведений. То есть, они на сегодняшний день понимают, куда престижнее идти учиться. И если у нас на сегодняшний день декларируется, что высшее образование — это дорога на любые профессии, то многие ребята, даже в 9-м классе осознавая это, говорят, что это не очень-то востребовано. Хотя не все.

Ограниченные возможности поступления в вуз по окончании НПО. Если бы у нас была эта сквозная линия подготовки непрерывного образования, это тоже был бы плюс. Ну и несоответствие качества обучения современным требованиям рынка тоже является негативной угрозой развития системы НПО.

Приведу мнение руководства высшей школы, то есть, здесь принимали участия ректоры, заведующие кафедрами и деканы.

Самой сильной стороной для них было приобретение навыков по профессиональной деятельности, педагогическая ресоциализация подростков «группы риска» и охват образовательными услугами детей с низким доходом родителей. Угрозы: слабая подготовка невостребованных специалистов, к сожалению, она до сих пор остается таковой вследствие часто устаревшей материально-технической базы в этих учреждениях. Невозможность получения данного образования может привести к росту безграмотности и обнищанию, и как следствие, другим социальным проблемам.

Каких бы респондентов не опрашивали, все отмечают необходимость уровня НПО.

Как студенты относятся к данной проблеме? Сильной стороной они называют возможность получения профильного образования детям с низким IQ, бесплатность обучения, подготовку квалифицированных работников, и то, что в современных условиях наличие НПО целесообразно для определенной части населения. То есть, каких бы респондентов не опрашивали,

все отмечают необходимость уровня НПО, потому что без этого многим будет сложно получить хоть какое-то образование. И это названо первой угрозой: при закрытии НПО часть детей останется вообще без образования. Изменение демографической ситуации тоже указывается как угроза. Почему? На сегодняшний момент мы анализировали количество выпускников 9-х и 11-х классов, мы пик демографической ямы прошли, у нас намечилось увеличение численности, и если будет уменьшение учебных заведений вообще, и системы НПО в частности, у нас дети вообще не смогут поступить ни в какие учебные заведения. Физически мест будет мало.

Сильной стороной НПО является возможность поступления детей с любым уровнем подготовки.

Мы попытались также изучить мнение работодателей, авиапромышленности и сельского хозяйства. В итоге все однозначно говорят «за» существованию данного уровня обучения, и главной сильной стороной они называли возможность получения профильного образования детям с низким уровнем подготовки и ограниченными финансовыми возможностями.

Второй плюс: подготовка квалифицированных работников («рабочих профессий»), где не требуется высшего образования. И был приведен ряд примеров, где на самом деле НПО достаточно для того, чтобы работать на высокотехнологичных предприятиях.

Далее, необходимо повышать уровень подготовки и престижность получения «рабочих профессий». Вследствие этого востребованность НПО будет расти.

65% выпускников сельских школ собираются пойти в НПО.

Наблюдается оторванность учебных заведений НПО от предприятий и как следствие подготовка специалистов, которые не востребованы на региональном рынке труда. Мы понимаем, раньше было НПО при учреждении, а сегодня у нас совхоз еле-еле выживает, и отсюда сокращается спрос на конечных выпускников, на работников, и это тоже имеет свои нюансы.

Сроки обучения в системе НПО должны быть оставлены на уровне от 2-х до 3-х лет, так как за меньшее время нет возможности подготовить специалиста необходимой квалификации.

Далее были опрошены школьники 9-х классов, причем как в сельской, так и в городской школе. Девятиклассники, которые сейчас выбирают, куда они в дальнейшем пойдут учиться.

Что у нас получилось? Среди сельских учеников продолжить дальнейшее обучение в школе хотят 10%, пойти в техникум — 25%. 65% выпускников сельских школ собираются пойти в НПО.

В городской школе тенденция тоже видна: 30% продолжат обучение в 10-11 классах, 33% — в техникуме, а 37% — в училище. Сразу оговорюсь, что ученики

были не гимназических классов, а массовой школы.

Хотите ли вы в дальнейшем получить высшее образование? Тоже динамика видна: 40% сельских и 27% городских школьников не хотят, соответственно, 60% и 73% хотят идти учиться в вузах.

Большинство детей и в сельской, и в городской школе считают, что профессия, которую они планируют получить, престижная. А вот оптимизма по поводу того, легко ли будет найти работу по выбранной специальности, у городских школьников гораздо меньше.

Мы проанализировали выпускников, которые получили специальность автомеханика в 2012 году. Получилось, что по специальности работают 29%, не по специальности 48%, безработных 13,5%.

В системе ВПО получилось следующее: по специальности работают только 12,5%, не по специальности 56%, продолжают обучение в аспирантуре 6%, безработные — 12,5%, и 12,5% находятся в декретном отпуске.

В итоге мы видим, что проблемы есть во всех уровнях образования. И среди тех, кто получил диплом о высшем образовании, есть безработные. Больше половины работают не по специальности. Очень схожая ситуация получилась и с уровнем НПО.

К.Г. КЯЗИМОВ, д-р пед. наук, профессор Российского государственного социального университета, член Академии профессионального образования:

— Ольга Асланбековна вначале сказала, что главное, чтобы нас услышали. Маленькая притча на эту тему.

Приходит пациент к врачу. Врач спрашивает:

— Какая у Вас болезнь?

— Ухо-глаз. Понимаете, слышу одно, а вижу другое.

Вот так и в законе.

Академик Гринберг недавно сказал: «Точка невозврата прошла в профобразовании, рабочих надо завозить». Я на этом совещании отметил, что точка невозврата по академикам тоже прошла, академиком тоже уже надо завозить. Беда нашей страны, что экономика и финансы подмяли образование, мы это видим по новому закону.

В России 600 территорий, где кроме НПО нет ни кола, ни двора, ни вуза, ни ссуза.

Практически третий год обсуждается проект закона. Что-то сделано, но не сделано самое главное, о чем мы здесь говорим. Я просто удивляюсь: два Президента говорили об этом, новый премьер-министр, Торгово-промышленная палата, профсоюзы. Все «за», а кто «против»? Скажу, кто против: некомпетентный чиновник. Вот чем оборачивается обществу некомпетентность. Несколько тезисов о начальном профессиональном образовании.

Авторы закона, якобы, спасают НПО путем его включения в СПО. Колледжи такие есть, здесь ничего нового. Но в России 600 территорий, где кроме НПО ничего нет: ни кола, ни двора, ни вуза, ни ссуза. У них будет такая же судьба, как у детских садов.

Вышла новая Стратегия-2020. Там написано: все колледжи и лицеи закрыть, уже не только НПО. А на их базе создать центры прикладных квалификаций со сроком обучения до 6 месяцев. После 9-го класса молодежь не будет получать среднего образования. Так надо понимать? Центры прикладных квалификаций есть за рубежом, но их функции — повышение квалификации работающего населения.

Мы говорим о компетентностном подходе. О какой компетентности может идти речь, когда мы сами сокращаем практическую подготовку рабочих на 1000 часов. А что такое компетентный человек? Это не только знания. Это умения, навыки. Опыт. Английские ученые провели исследования, оказывается, отсутствие ручных навыков у молодежи тормозит интеллектуальное развитие человека.

И еще одна проблема, о которой хотел сказать. Смотрите, что такое ЕГЭ? Наше ЕГЭ ориентирует ребят на поступление в вуз. А должно ориентировать для будущей жизни.

Вывод, конечно, таков, что нужно сохранить уровень НПО, который создает мощь страны, о чем здесь говорить? Но мне кажется, что общество должно дать и оценку авторам этого законопроекта.

М.В. НИКИТИН, д-р пед. наук, профессор НИИ развития профессионального образования, вице-президент Академии профессионального образования:

— В Китае прошел Международный Конгресс по развитию профессионально-технического образования, где констатировано, что две страны берут на себя международные обязательства по подготовке высоко- и среднеквалифицированных рабочих для мира, в том числе, для России. Это КНР и Индия. Они предложили мировому сообществу свои программы подготовки высококвалифицированных рабочих для любого производства, в том числе военного, в любой стране. Это очень серьезная заявка для правительств, для стран, и это показатель конкурентоспособности тех учреждений, тех технологий, тех программ, которыми сегодня обладает и Индия, и Китай. Мы должны обращать на это внимание и в связи с трудовой миграцией, и в связи с теми вопросами, которые записаны в проекте закона.

1. Исторически, традиционно система НПО и СПО, но НПО в большей степени, имела свою педагогическую и воспитательную особенность. Она заключалась в том, что там были созданы условия

для обучения детей из малообеспеченных семей. А такие семьи будут всегда.

2. У нас есть социально-профессиональная группа, которая обучается только в НПО и больше нигде. Это лица с ограниченными возможностями здоровья (ОВР). Мы проводили совместное заседание с институтом коррекционной педагогики: от 3 до 5% лиц с ОВР получает высшее образование, а остальные — НПО. Совсем небольшая часть получает среднее профессиональное образование, в зависимости от заболевания.

3. В отличие от других уровней образования, в первую очередь НПО готовит специалистов для российской армии. Целые категории, например, водители, готовятся только в системе НПО, квалифицированные матросы тоже только в системе НПО. Почему? Традиционно так были построены программы, что они сопрягались. Они у нас так и называются: гражданские и военно-учетные специальности. Единственная проблема, которая здесь была: военкомат не соглашался призывать выпускников по профилю полученного гражданского образования. И вот два года назад военкомат впервые на это согласился.

Отсутствие ручных навыков у молодежи тормозит интеллектуальное развитие.

4. Немало подростков находится в местах лишения свободы. К сожалению, эта цифра не сокращается. Но в местах лишения свободы исторически существуют только спецучреждения НПО, и УФСИН так считает, что получение рабочей специальности достаточно для социально-профессиональной реабилитации. А другие направления только по желанию заключенного, он может хоть высшее образование получить. Но системно созданы только НПО, там работают мастера производственного обучения, там работают преподаватели спецдисциплин, и за период обучения эти ребята, подростки 14-17 лет, получают за время лишения свободы рабочее образование. А не краткосрочную подготовку, с которой потом не найдешь работу.

Законодатель должен учитывать все эти факторы: дети из семей с низкими доходами, лица с ограниченными возможностями здоровья, взаимодействие с армией и специальное профессиональное образование в местах лишения свободы.

Еще ряд вопросов. Возьмем статью 78 законопроекта, которая вводит неизвестную в системе профобразования новую норму создания учебного центра профессиональных квалификаций. Причем, дается несколько формулировок, например, в Указе Президента РФ от 7 мая №599, сказано, что, оказывается, нужно создавать не профессиональные квалификации, а прикладные квалификации. Мы начали обсуждать, но наши исследователи говорят, что таких квалификаций вообще не существует. Потому что если есть квалификация, то она уже прикладная.

Из всех существующих форм центров выбрали единственный несуществующий. Я собрал сведения, что по известным и описанным формам существует 28 различных центров. Есть учебные центры, есть ресурсные центры, центры внутрифирменного обучения, корпоративного и сетевого обучения и так

далее... А выбрали то, что вообще не описано и не существует, не исследовано. Что за центр профессиональных квалификаций? Кто дал такую формулировку? Совершенно не понятно. Что мы предлагаем? Вместо статьи 78 «Учебный центр профессиональных квалификаций» дать формулировку «Ресурсный центр профессиональных квалификаций».

Почему ресурсные центры? Во-первых, в НПО и СПО ресурсные центры уже работают более 17 лет, и их опыт известен. Второе, для РЦ разработана научная, методическая, управленческая, финансовая документация, но не нормативно-правовое обеспечение.

Я тут взял стенограмму заседания Госсовета (31.08.2010 г.). Выступает группа губернаторов, в частности, губернатор Свердловской области Мишарин, который говорит: «Уважаемый Дмитрий Анатольевич, дайте нам возможность развивать ресурсные центры вместе с работодателями, потому что и работодатели вложили большие деньги в инфраструктуру профессионального образования. Д.А. Медведев спрашивает: «А что вам мешает?». «Нет нормативной базы», на что Дмитрий Анатольевич говорит: «Конечно, на раз-два». После этого вообще никто ничего не стал развивать.

На условиях софинансирования на сегодняшний день в развитии материальной базы ресурсных центров вложено больше миллиарда рублей. Причем, по какому принципу софинансирование: 50% вкладывало государство, 50% работодатели. Поэтому, если такой нормы в законе не появится, значит, с деятельностью этих учебно-материальных баз возникает большая проблема. Мы обсуждали последний опыт создания ресурсных центров с участием зарубежных транснациональных корпораций. В Москве на базе колледжей созданы центры по всем транснациональным компаниям, например, строительный — Кнауф, Сименс, Вольво и так далее. Практически все корпорации сегодня имеют ресурсные центры, созданные совместно с колледжами.

5% лиц с ОВР получает высшее образование, а остальные 95% — НПО.

На понимание ресурсных центров у нас ушло 10 лет. Так что, нам еще 10 лет понимать, что такое центр прикладных квалификаций? Хотелось бы подчеркнуть, что в условиях ВТО, а мы вступили в ВТО, самый главный показатель — это время. Если мы еще 10 лет будем разбираться как работать с центрами прикладной квалификации, то работодатели точно нас не поймут. Поэтому первое предложение:

1. Заменить название статьи 78, вместо «учебного центра профессиональных квалификаций» ввести «ресурсные центры профессиональных квалификаций».

2. Статья 113, которая рассматривала отнесение колледжей к учреждениям высшего профессионального образования и концентрацию в колледжах прикладных бакалавриатов. Нет ни такой практики, ни такой потребности. Таких количеств не надо готовить. Поэтому хотелось бы, чтобы обратили внимание на то, что колледж — это учреждение среднего профессионального образования, совершенно достаточно

интегрированных программ начального, среднего и дополнительного образования. И с нашей точки зрения, совершенно нет аргументов отнесения колледжей к высшим учреждениям, как сейчас предполагается в связи с принятием закона. Это будет просто рейдерский захват имущества колледжей и перевод их в университетские комплексы.

3. И последнее. В статье 100 «Профессиональная общественная аккредитация образовательных программ» пункт 2 изложить в следующей редакции: «Объединение работодателей соответствующих отраслей и видов деятельности, и уполномоченные ими организации вправе осуществлять сертификацию квалификаций и профессиональную общественную аккредитацию». Уже сейчас такая процедура работодателями осуществляется, и если норма появится в законе, то их позиции будут в правовом поле изложены.

В.Ф. ЩЕЛОКОВ, генеральный директор Союза предприятий оборонных отраслей промышленности Свердловской области:

— В ряду ключевых отраслей производства в России, и в частности на Среднем Урале, значительное место занимают предприятия оборонных отраслей промышленности. Не случайно на протяжении последних четырех месяцев под эгидой Союза предприятий оборонных отраслей промышленности Свердловской области и областных министерств образования и промышленности сегодня, 12 октября 2012 г., в третий раз обсуждаем проблемы кадрового воспроизводства наших предприятий.

И сегодня мы вновь собрались на площадке Уралвагонзавода и Нижнетагильского техникума металлообрабатывающего производства и сервиса.

Мы выражаем глубокое неприятие и разочарование по поводу отказа от начального профессионального образования как самостоятельного уровня образования. Замена начального профессионального образования профессиональным обучением в принципе исключает право молодежи на получение начального профессионального образования как базового, что, в свою очередь, осложнит их дальнейшее профессиональное становление, не говоря уже о том, что такой государственный подход окончательно отобьет желание идти в рабочие. И это в то время, когда средний возраст рабочих в оборонке приближается к пенсионному. Закон «Об образовании» в существующей редакции не только не поможет изменить ситуацию в плане подготовки рабочих, но и усугубит ее, приведет к необратимым последствиям — потере целого поколения несостоявшихся рабочих.

А.Р. ФАХРУТДИНОВ, директор по корпоративному развитию ООО «УК «КЭР-Холдинг»», Казань:

— Буду говорить только про инжиниринговые компании, с которыми я последние лет десять жизни имею дело, поэтому прошу снисходительно отнестись к тому, что мои формулировки иногда будут не соответствовать тому общему лексикону. У нас в компании требования к рабочим специальностям сложились следующим образом:

1. Рабочие и специалисты должны иметь несколько специальностей одновременно, потому что мы не можем себе позволить послать куда-то далеко в командировку большое количество штата. У нас должна быть взаимозаменяемость, иначе мы не проходим по деньгам.

Когда я увидел, как производитель, что НПО пропало из закона, для меня это было странно.

2. Специалисты должны иметь практический опыт участия в проектах по всем тем специальностям, о которых мы говорили. Потому что иначе это большие финансовые последствия для всей компании.

3. Мастера и лица, входящие в состав кадрового резерва мастерского состава, выезжающие на проекты, должны уметь работать с интернациональными бригадами.

4. Эти работники, которые от нас выезжают, не только руководящий и мастерский состав, но и рабочие, должны иметь способность в случае возникновения такой ситуации взять управление на себя. Это означает, что нужно будет войти в руководящую позицию по отношению к этой интернациональной бригаде, защищать интересы компании с представителями заказчика на той территории, где выполняется проект.

Реплика: Таких не бывает... Рабочий?

Фахрутдинов:

— Рабочий. Я понимаю вашу реакцию. Я скажу, это не наше современное требование. Это типовые требования, с которыми работали советские компании во Вьетнаме, Ираке, Сирии, Египте, когда выполняли те проекты, которые были 40-50 лет назад. Никакой фантастики нет. Есть одна проблема, что мы не знаем, как сейчас это сделать.

Реплика: Маленькая ремарка. Чем интересен такой подход к рабочим? Это более привлекательный облик профессиональной загрузкой, чем экономист или юрист с непонятной судьбой. Это очень внятная социализация, если туда попадаешь.

Не только рабочие руки, у нас и малое предпринимательство будет мигрантское.

Фахрутдинов:

— В принципе, мы могли бы взять этих рабочих где-то извне, из Пакистана, Турции или Сирии, тех, кто имеет инженерную специальность, владеет английским языком, проектом, умеет работать с российским оборудованием. В некоторых ситуациях мы их привлекаем. Но мы заинтересованы в протаскивании наших собственных кадров по всем ступенькам внутри компании.

Хотел бы зафиксировать то, что важно для меня, и почему я, собственно, приехал. Те рабочие и главные специалисты, которые нам нужны, это, по большому счету, мост к развитию нашей компании. Мы это четко понимаем, но каким образом это реализовать, имея те ресурсы, которые есть на российском пространстве, я пока не знаю.

В.И. ЗАГОРУЛЬКО, менеджер по персоналу ЗАО НПО «Тепловизор», член национального Союза кадровиков России:

— Когда я увидел, как производственник, что НПО пропало из закона, для меня это было странно. Если потребность в рабочих специальностях есть, а система образования не будет ее предлагать, то нам, работодателям, ничего не остается, как делать это самим. Работодатель возьмется и будет это делать. Но, во-первых, это будет не квалифицированная подготовка, большой вопрос, кого мы сможем подготовить. Есть у нас технологии и кадры, режим наставничества, которые позволяют готовить людей. Мы будем готовить. А второй аспект, и это очень важно, экономический. Ведь то, что нам самим придется готовить рабочих, это ляжет на себестоимость продукции. И она станет неконкурентоспособной. А мы с вами сегодня уже вспоминали, что мы в ВТО вступили. Какое же конкурентное преимущество мы получаем? Только со знаком минус.

Собрание Забайкальского края сформулировало отрицательное мнение, которое отправлено в Государственную Думу.

Социальный аспект. У нас в Конституции заложено право на образование. Мы целую социальную страту исключаем, ущемляем ее право на образование со всеми вытекающими последствиями. И я считаю, что это не правильно.

О.В. МОЛОДЦОВ, вице-президент Ассоциации малого и среднего бизнеса, руководитель учебного центра ассоциации:

— Общественная организация «Опора» провела форсайт и пришла к выводу, что не только рабочие руки, у нас и малое предпринимательство будет мигрантское. Но дело в чем? Если денежные массы, полученные за счет сырьевых ресурсов, уменьшатся, и приток мигрантов может уменьшиться. Я к тому, что нам нужно рассчитывать на свои рабочие руки. Абсолютно уверен, что говорить об этом нужно четко, артикулировать. И нужно делать это действительно привлекательным. Так получилось, что несколько дней подряд слышу от разных людей, в том числе, с высшим образованием, примерно одно и то же: «Пойду с мастером посоветуюсь, мастера привлеку». Ведь это действительно так, мастер — это звучит гордо. И это нужно внедрять в сознание молодых людей. Это же спасательный круг на всю жизнь, который всегда тебя поддержит. А с другой стороны, это же может быть делом всей жизни, мы прекрасно знаем, что токаря шестого разряда днем с огнем не сыщешь. Недавно коллега рассказывала, что они из Москвы в Питер возили такого специалиста. Я совершенно согласен с Евгением Викторовичем, что в ряде отраслей, например, в космической, без государственных денег не обойтись. Но во многих других сферах очень важно налаживать тесное сотрудничество с работодателями, чего сейчас не хватает.

Анна ТАГАН, студентка Колледжа предпринимательства №11 города Москвы:

— Я учусь по специальности «Туризм» на втором курсе. Почему для меня важно обучение в СПО? В рамках учебной программы мы моделируем нашу профессиональную деятельность и экспериментально ее проверяем. Например, сейчас нам дана задача быть гидом по такой профессии как кассир-контролер. Быть гидом по памятникам не столь тяжело, как по этой профессии. Но это один из профилей нашего колледжа. Не все знают, что кассир-контролер должен иметь навыки и психолога, то есть, быть стрессоустойчивым, терпимым, корректно вести себя с посетителями, от него зависит и репутация предприятия. Для получения таких навыков мало двух недель, мало и трехмесячных курсов. Мы набираем высоту лично в течение трех лет.

НПО и СПО незаменимы ни школьным обучением, ни практикой действий на предприятии. В колледже приобщаемся к профессиональному сообществу. У нас существуют такие площадки, где мы встречаемся со специалистами в этой сфере, с профессионалами. Они передают нам опыт и дают толчки к развитию.

Так же мы в колледже изучаем три временных измерения. То есть, в прошлом: прототипы работы, приемы, в настоящем: проблемы и методы их решения, и в будущем: о чем я не могу не думать, личностное развитие и развитие моей будущей профессии, общества и страны в целом.

Реплика: Коллеги, очень важно, что в большинстве московских колледжей нет проблем с набором, и подбор мест работы предлагается. Это так?

Таган:

— Да, у нас есть подбор рабочих мест.

НПО и СПО незаменимы ни школьным обучением, ни практикой действий на предприятии.

Реплика: То есть, вам предлагают выбор. И конкурс есть. А вот в вузы и недобор. Вот вам, пожалуйста, и сохранение уровня начального и среднего профессионального образования. Модель, работающая не только в Москве столько лет. И она непроходима в проекте нового закона.

Е.С. ЕГОРОВ, начальник Управления профессионального образования, науки и молодежной политики Забайкальского края:

— Мы полностью согласны с выступлением Е.В. Ткаченко. Хотел бы рассказать, что делается в этом направлении с системой НПО на уровне региона. Для поддержки развития системы НПО в 2008 году был принят закон о НПО. С 2011 года в крае реализуется долгосрочная целевая программа «Модернизация профессионального образования Забайкальского края». Каждый имеет право получить профессиональную подготовку за счет средств бюджета Забайкальского края по профессиям, востребованным на рынке труда. Этот закон позволяет также выпускникам по их желанию в период с февраля по июль получать за

счет средств бюджета более высокую квалификацию в полученной ими профессии.

При обсуждении проекта закона РФ «Об образовании» в части уровня НПО Законодательное Собрание Забайкальского края сформулировало отрицательное мнение, которое было отправлено в Государственную Думу.

Н.В. ГРОМЫКО:

— Передаем слово Республике Удмуртия. У нас тут очень интересная делегация. Есть работодатели: Д.В. Арсибеков, начальник Нефтегазодобывающего управления №2 ОАО «Белкамнефть» НК «Русснефть», и В.Б. Нельзин, заместитель генерального директора ДАО «Спецгазавтотранс» ОАО «Газпром». А.В. Волохин, руководитель Ресурсного центра подготовки кадров для нефтяной и газовой промышленности УР, директор Профессионального училища №31, кандидат педагогических наук.

А.В. ВОЛОХИН:

— Говоря о последствиях принятия Закона «Об образовании в РФ», хотелось бы отметить чрезвычайную озабоченность отсутствием в законопроекте уровня НПО, от функционирования которого зависит судьба значительной части нашей молодежи и, как результат, социальная стабильность в обществе. По версии законопроекта уровень НПО механически приравнен к уровню СПО, однако, это совершенно разные уровни образования, которые и требования к уровню подготовки, и содержание, и, наконец, на этих уровнях осваиваются разные виды профессиональной деятельности. Мы считаем, что уровень НПО должен быть базовым, бесплатным и общедоступным. А обучение на следующем уровне должно сопровождаться исключением из программы этих уровней дублирующих материалов, изученных на уровне НПО, соответствующей переаттестации, обеспечение преемственности и непрерывности профессионального образования. В данном случае резко снизится финансовая нагрузка на госбюджет.

Уровень НПО должен быть базовым, бесплатным и общедоступным.

Особо хочется обратить внимание на сохранение учреждений НПО оборонной и космической промышленности. Я добавил бы сюда еще нефтегазовую промышленность с уникальной научно-производственной базой. Например, Удмуртия обладает единственным учреждением НПО по подготовке нефтяников, это наше автономное учреждение ПУ №31. Всего таких училищ осталось в РФ около 40. Ближайшие от нас — в Бугульме и в Бугуруслане. Эти училища чрезвычайно востребованы. Например, конкурсный отбор на поступление в наше училище значительно выше, чем в вуз, выпускники училища востребованы работодателями. База подготовки наших специалистов соответствует уровню мировых стандартов. А если мы уничтожим эти училища? На какой базе и какими специалистами будет осуществляться базовая подготовка специалистов рабочих специальностей для нефтегазовой промыш-

ленности? В рамках краткосрочной профессиональной подготовки квалифицированного рабочего обучить сложно. Особенно для промышленных высокотехнологичных производств нефтегазовой отрасли.

Конкурсный отбор на поступление в наше училище значительно выше, чем в вуз.

Мы считаем необходимым донести до депутатов Госдумы РФ нашу точку зрения о необходимости сохранения уровня НПО. Так же считают наши работодатели и сегодня они с нами.

Д.В. АРСИБЕКОВ, начальник Нефтегазодобывающего управления №2 ОАО «Белкамнефть»:

— В настоящее время мы разрабатываем десятки месторождений на территории России с очень суровыми климатическими условиями. Сейчас мы тесно сотрудничаем с ПУ №31, и сотрудничеством этим мы очень довольны. Училище обладает современной материально-технической базой. 15% выпускников приходит на наши производственные объекты. Я считаю, что это сотрудничество взаимовыгодно.

В.Б. НЕЛЬЗИН, заместитель генерального директора ДАО «Спецгазавтотранс» ОАО «Газпром»:

— Я представляю здесь шеститысячный коллектив, который трудится на строительстве магистральных газопроводов участка Камчатка-Сахалин-Ухта. 70% в составе нашего коллектива — это рабочие.

Наша организация давно сотрудничает с профессиональным училищем. При нашем участии в софинансировании училище стало победителем национального проекта «Образование». Благодаря победе в этом конкурсе нам удалось создать учебно-производственную площадку, где мы сегодня проводим практику наших студентов. Наша совместная работа нас устраивает, и я думаю, что ее нужно дальше продолжать.

А.В. ЕЛИСТРАТОВ, заместитель директора Московского строительного колледжа №38:

— Из 417 страниц законопроекта полторы страницы отведены среднему профессиональному образованию. И профессиональная подготовка черточками прописана.

Что у нас получается? Родители «за», обучающиеся «за», преподаватели «за», ученые «за», практики «за», а разработчики законопроекта — «против». В нормальной стране такого не может быть.

Или указ Президента от 7 мая №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», где речь идет о преподавателях и мастерах производственного обучения уровня НПО. А авторы уже торопятся исключить их из закона. Ни один уровень образования, кроме НПО, не подвергался таким грубым антипедагогическим экспериментам.

Необходимо сохранить уровень начального профессионального образования с типологией образовательного учреждения. И не надо нас сопоставлять ни с какими уровнями. Каждый уровень образования решает свои цели и задачи.

С.В. ХАРШИН, директор Профессионального лицея №8, г. Ачинск, Красноярский край:

— Ликвидация уровня НПО — это попытка антигосударственной политики. Надо поставить двойку разработчикам проекта закона. И потом отправить их на перековку в наш Красноярский край. Мы их по 3-месячной программе подготовим.

Профтехобразованию пора перестать топтаться на одной площадке с садами и школами, нужно выделяться в отдельную структуру. И это должен быть следующий шаг после принятия закона.

Хочу поблагодарить Е.В. Ткаченко за то, что такую работу проделал. И докладываю и ему, и всему сообществу, что красноярские депутаты Госдумы обещали нас поддержать.

Е.А. РЫБАКОВ, председатель Совета директоров учреждений НПО и СПО Свердловской области:

— Рядом со мной представители учебных заведений НПО и СПО, весь наш большой творческий коллектив. Но прежде всего я хочу передать мнение генерального директора Союза промышленников предприятий оборонной промышленности Уральского региона В.Ф. Щелокова, который не смог выйти на связь, но от всех работодателей оборонного комплекса высказывает свое мнение об обязательном сохранении системы НПО.

Наше общее мнение:

1. Сохранить систему НПО.
2. Однозначно исключить переход от учреждений к организациям.

Ни один уровень образования, кроме НПО, не подвергался таким глубоким антипедагогическим экспериментам.

3. Документ по итогам сегодняшнего круглого стола отправить Президенту. Нужно, чтобы он знал, что будет подписывать.

Г.И. КИРИЛОВА, зав. лабораторией информатизации профессионального образования ИППО РАО, Казань:

— В наше время информатизации, ручной труд никто не отменял. Этот труд не менее востребован обществом, чем интеллектуальный. Об этом говорит хотя бы их заработная плата.

НПО — самодостаточное звено, и поэтому говорить о том, что это довузовское образование, я считаю, некорректно.

Н.В. ГРОМЫКО:

— Хочу в заключение сказать, что у нас от разных регионов поступили тезисы, предложения. Было очень много желающих выступить. Среди них доктор педагогических наук Н. Чапаев, профессор кафедры акмеологии Российского государственного профессионального педагогического университета, О. Аштаева, Колледж социальных услуг №44, член-корреспондент АПО, Г. Бухарова, доктор педагогических наук, профессор Российского государственного профессионально-

педагогического университета, Г. Капустина, председатель Совета директоров педагогических колледжей Москвы, С. Кожуховская, доктор педагогических наук, член АПО, С. Новоселов, директор Института педагогики и психологии детства Уральского государственного педагогического университета. Очень много представителей регионов России. Нам направили тезисы из Кабардино-Балкарии, Томской области. Просим и дальше присылать ваши суждения.

О.А. БЕССОЛОВА:

— Большое спасибо Евгению Викторовичу за первый доклад, который сегодня обсуждали. Мы в очень короткое время должны сделать и стенограмму, и рекомендации, и направить все это в Государственную Думу. У нас здесь представитель Комитета Е.В. Кравченко. Думаю, она все тоже очень подробно записывала.

Красноярские депутаты Госдумы обещали нас поддержать.

У меня в течение всего этого круглого стола мелькнуло только одно беспокойство. Надо ли говорить о том, что НПО нужно вместе с государственным финансированием только для оборонных областей, для Газпрома или для детей из небогатых семей. Мне кажется, что эта позиция нас немного ослабляет. Нам лучше сконцентрироваться на том, что нам необходимо сохранить уровень НПО. А дальше уже говорить, какое и как.

Подводя итог, еще раз благодарю представителей регионов, работодателей, огромное спасибо Академии профессионального образования.

И у меня большая просьба. Если у депутатов из ваших регионов будет единая позиция, нам сейчас нужно с этой позицией поработать и сделать ее более четкой, сформулировать и вносить. Мы будем делать все возможное, но и к вам просьба — не останавливаться. Без начального профессионального образования, я даже не могу сказать, что плохо, я просто не знаю, как будет. Меня, например, очень впечатлил работодатель из «Газпрома», который говорит, что 80% работников — это выпускники НПО. Откуда они будут браться? Совершенно не понятно. То есть, это и социальная, и образовательная, и экономическая, и еще очень много разных ролей, которые мы сегодня обсудили.

Е.В. ТКАЧЕНКО:

— Спасибо за то, что впервые на площадке Государственной Думы был специально поставлен вопрос о судьбе НПО. И вы видите, наши работодатели, оборонная промышленность, «Газпром», нефтегазовая промышленность, малый и средний бизнес, банковская система, посмотрите, какое единое мнение, сплочение вокруг одной идеи.

ОТ РЕДАКЦИИ: В Приложении к журналу опубликованы выступления, не вошедшие в данный обзор, статистика и другие материалы по обсуждению Законопроекта «Об образовании в РФ», поступившие в адрес круглого стола.